

Профессору Самюэлю Пати за рассказ ученикам о редакции «Шарли Эбдо» в рамках урока о Свободе Слова и демонстрацию пары журнальных карикатур отрезал голову незнакомый восемнадцатилетний чеченский беженец, получивший вместе с семьей приют во Франции. Не помогло даже, что профессор заранее попросил прощения за тему урока из образовательной программы и предложил всем, кого может оскорбить данная тема, выйти из класса.

Бегущие со всех ног за убежищем в Европу люди нередко сетуют, что в родных краях попораны Права Человека и Свобода Слова, а затем настойчиво пытаются воссоздать на Западе традиционные для себя ценности.

Чеченец Абдуллах Анзоров, покопавшись в шайтанском девайсе – мобильном телефоне, созданном «неверными», обнаружил форум, где обсуждался «злодей, оскорбляющий Пророка», а затем подкупил ученика из школы, чтобы тот предал учителя, указав на него за триста евро, – чем вам не библейская история?..

Мракобесие всегда рождает вседозволенность, зверства, казни и террор, оправдывая это национальными или религиозными претензиями.

Я хорошо помню, как за пару лет до Чеченской войны мы в дудаевской Ичкерии жили без пенсий и пособий, как матери в нашем дворе по улице Заветы Ильича покупали на килограмм куриные лапы (именно лапы, которыми куры бегают по земле), чтобы сварить суп своим малышам. Битвы за хлеб и за нутрий – болотных бобров, а масло и сахар выдавали по талонам. Самые предприимчивые соседи ходили на митинги (дудаевский и оппозиционный), там за многочасовое стояние и выкрики лозунгов иногда выдавали бесплатно булку хлеба.

В народе упорно ходили слухи о том, что дотации из федерального бюджета на Чеченскую Республику идут потоком, поэтому местная элита катается на иномарках и строит шикарные коттеджи. Но чеченские власти ругали Россию и все отрицали. У нас же не было ни пенсий, ни зарплат, ни детских пособий... Люди в Грозном выносили из дома последнее: посуду, детские игрушки, коврики – обменивали на картошку и макароны. Были такие, кому повезло больше, кто жил в селах и вел хозяйство или у кого были там родственники. Дети и старики на грозненском рынке бродили по рядам, плакали и просили милостыню.

Среди выходцев из Чечни существует устойчивое выражение: «На войне под российскими бомбами погибло сорок тысяч детей». Непременно стоит уточнить, что детей самых разных народов многонациональной республики (в Грозном, разумеется, в первую очередь – русских, а в селах и маленьких городках – чеченских). А также ингушей, аварцев, кумыков, даргинцев, цыган, евреев и других.

В Первую войну чеченцы, и русские, и все другие народы многонациональной республики жили дружно, выручали друг друга, прятали от бомб и снарядов. Поэтому говорить о геноциде русскоговорящих (к ним относили всех нечеченцев) до Первой войны не совсем уместно, можно упомянуть только о страшном бандитизме (чеченским парнишкам с пятнадцати лет Джохар Дудаев разрешил носить оружие!). Выбирали, разумеется, самых беззащитных, впрочем, нападали иногда и на чеченцев.

Однако с весны 1995 года начались совсем другие настроения, а к осени 1996-го все приняло катастрофический размах.

После Первой чеченской войны русскоязычные почувствовали себя между двух огней: с одной стороны,

они страдали под бомбами, их расстреливали вместе с чеченцами и ингушами, с другой стороны, за них принялись местные головорезы, наскоро сбившись в банды, препровождая свою гнусную деятельность мотивом: «Мы мстим Москве!» Убивали ближайших соседей; в нашем районе случались погромы, русские люди боялись ложиться спать, так как убивали несколько семей за ночь, а правозащитники и журналисты в России об этом молчали и молчат, что я считаю непростительным предательством. Изредка порядочному ингушу или чеченцу удавалось отбить русскоговорящего соседа, уговорить распоясавшихся бандитов не убивать его, чтобы без документов и квартиры, но оставили в живых, дали уйти.

Я никогда не могла понять этого мракобесия и идиотизма: приехав на учебу и работу, десятки тысяч русскоговорящих осели в середине XX века в Чечено-Ингушетии, а многие жили и задолго до этого! Сам Джохар Дудаев признавал в своих статьях, что казачество живет в Чечне сотни лет и автоматически имеет «чеченское гражданство». Ни Джохар Дудаев, ни Аслан Масхадов к расправе над русскоговорящими земляками никогда не призывали.

В начале Первой войны 300 000 русскоговорящих жили на своей родной земле, страдали ничуть не меньше чеченцев, но для невежд и мракобесов с несколькими классами образования они вмиг оказались оккупантами. «Сталин вайнахов депортировал, а теперь Россия нас бомбит! Мы убьем русских и отомстим Москве и Сталину!» – надрывались негодяи под нашими окнами. Помню, как образованный старик чеченец на их неистовые крики громко спросил: «А вы в курсе, братья мои, что Сталин был грузином?!» Наступила тишина, и националисты в полном недоумении на время разбежались.

Зачастую убивали русскоговорящих земляков те, кто не воевал с Россией, не сражался за Ичкерия и не соби-

рался этого делать, желая лишь пограбить, уловив момент, и занять чужие квартиры для себя и родственников, – этажами.

Я порицаю лицемеров и убийц, которые оправдываются религией и национальными лозунгами. В начале нулевых потянулись вереницы беженцев из Чечни. Ехали в Европу «за европейским гражданством»! «На пособия». В первых рядах – торговцы оружием, нефтью и те, кто до этого убивал и резал русских земляков. Реально нуждающиеся в помощи чеченцы и чудом выжившие к тому моменту русские в Чечне скитались, голодали и не могли скопить денег на дорогу.

Анну Политковскую на встрече как-то спросили, преследовали ли в Чечне русских. Она ответила: «Мне об этом ничего не известно!»

Прошли годы, и однажды я спросила общую знакомую, почему госпожа Политковская сказала подобное. Не знать она не могла... Правозащитница, которая дружила с ней, ответила так: «Чеченцы тысячами ехали в Европу, и заявить правду об убийствах и массовом захвате жилья означало, что среди них есть не только пострадавшие, но и мракобесы и бандиты. Она же хотела помочь народу, она встала за этот народ».

Я же выбрала рассказывать правду обо всех своих земляках, поэтому рискую еще больше, получая угрозы и от одних преступников, и от других.

Все порядочные чеченцы должны честно признавать, что дудаевско-масхадовская власть не могла защитить русских земляков и предотвратить массовые преследования, именуемые геноцидом.

Мы пытались защитить (наша русско-чеченская семья!) русских соседей, знакомые ингуши пытались, знакомые чеченцы пытались, но мы не могли спасти всех! Людей убивали. В нашем доме, в доме напротив, в доме

рядом и через дорогу... Так случилось и с соседями, и с друзьями. Пришли убивать нашу соседку Валентину Петровну с маленьким ребенком! Не пожалели вдову, позарившись на обустроенную трехкомнатную квартиру. Тунзина Юрия Михайловича, пожилого фронтовика, прошедшего Вторую мировую, тоже не пожалели. Ближайшие соседи-чеченцы дали ему по голове и захватили его квартиру, прогнав плачущую старушку жену, в чем была, прочь. В соседнем доме убили армян: повесили и содрали с них кожу; перерезали горло русским старикам в доме напротив. Всего не перечислить. И это не беды войны, перед которыми все мирные жители были равны, это дополнительные «бонусы» для самых беззащитных и бесправных.

Не признавать этого – значит лгать и поддерживать убийц, оправдывая их тем, что «только наш народ в войну пострадал и они мстили, они забирали свое!». Это преступление и лицемерие. До сих пор некоторые мародеры и убийцы живут в Грозном, они пошли работать в силовые структуры и рады, что поступали так с «потомками оккупантов», которые приехали в Грозный по работе и учебе во времена СССР. Потерявшие совесть изверги должны быть порицаемы среди выходцев из Чечни, их нельзя оправдывать и обелять.

Все народы многонациональной республики пострадали в войну, но только русскоговорящих жителей и преследовали, и бомбили. Неоднократно мне и матери делали замечания в грубой форме, запрещали говорить на русском языке в общественных местах. Выручало, что мы знали фразы на чеченском языке и носили огромные платки.

Помимо шариата и казней на улицах, куда водили детей после Первой войны (это заменяло школьникам культурную программу по творчеству и домоводству), были

угрозы убийства за елку на Новый год. «Елка – символ язычества», – объясняли бородатые выходцы с Ближнего Востока жителям Чечни.

В школе мы учили Коран и хадисы. Так я поняла, что многие творящие зло не знают и даже не догадываются о том, что действительно написано в Коране.

В одни годы без платков и хиджабов девочек не пускали на уроки, проверяя их наличие у входа в школу. В другие годы, как только входила российская армия, требовали немедленно снять.

Когда я возвращалась домой из школы (шестой-седьмой класс), приходилось выслушивать, как обкуренный сосед кричит на весь двор:

– Русские суки, я вас зарежу! Твари! Убить вас надо сегодня! Всех русских убить – они оккупанты!

(До этого он уже зарезал две русские семьи и одну армянскую и приходил убивать наших знакомых украинцев, но вовремя вступились мы, семья ингушей и многодетная чеченка с детьми.)

Помню, как иду из школы, а он орет и орет не останавливаясь. А я думаю: «За что?» Мы все под бомбами страдаем одинаково, все хороним своих родных на нашей родной земле! Республика многонациональная, и даже приехавшие издалека люди живут здесь во втором-третьем поколении.

Жуткий страх, когда часами пинают входную дверь, режут ножами обшивку и кричат расистские оскорбления. Я тогда уходила в ванную комнату и начинала переливать воду из одного ведра в другое, чтобы не слышать злые, остервенелые голоса.

Город Грозный наполнился теми, кто ненавидел собак, им выкалывали глаза, давили машинами, перерезали горло. Еще в начале 90-х в нашем подъезде на третьем этаже жила семья, приехавшая из горного

села. Они подослали к нам своего шестилетнего сына, он попросил мою маму: «Можно мне собачку Чапу покормить?» Двухлетняя Чапа была доброй, ласковой, она всегда гуляла рядом на поводке, и дети в нашем дворе ее очень любили. Мама разрешила покормить собачку, она не знала, что еда отравлена! Все было очень хитро, по-восточному. Когда соседи (другие чеченцы и русские) стали ругаться, чеченцы с третьего этажа признались в содеянном зле (собака умерла в страшных муках: из ее глаз и пасти хлынула кровь, она билась в агонии несколько часов). Сельские малограмотные люди, которых моя мать многократно выручала, помогала им, стали объяснять свой поступок: «По Корану нельзя держать в доме собаку, поэтому мы ее убили, чтобы в доме она не жила».

Поскольку мракобесие наказуемо и ничего подобного о собаках в Коране нет (наоборот, о собаке в Коране говорится как о защитнике и помощнике человека!), Аллах скор в расчете, Он наказал семью отравителей: несчастья посыпались после их подлого поступка со всех сторон. Мы с мамой отвезли на салазках и похоронили добрую, ласковую Чапу в старом колодце.

Русскоговорящим из республики ехать было некуда, у многих в российских регионах родственников не осталось. Выезжали от войны в основном чеченцы. Поскольку люди в СССР рождались, у них по материнской линии были русские родственники в других областях. Паспорта в Ичкерии у всех были только образца СССР, поэтому выехать не составляло труда, тем более что есть доказанный факт: ближайшие сторонники Джохара Дудаева имели «мешки левых паспортов», как признался «дудаевец» Муса Таипов.

Когда в конце 2004 года мы с мамой приехали в русские регионы из Чечни (из большой семьи после войны

В ЖИВЫХ ОСТАЛИСЬ ТОЛЬКО Я И МАМА), ТО ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО
МЫ – НАСТОЯЩИЕ ЧЕЧЕНЦЫ. В ГОСУЧРЕЖДЕНИИ НАМ ВСЛЕД
НЕСЛОСЬ:

– Почему вы не сдохли под бомбами?! Черные из Чечни! Проваливайте отсюда!

Помощи нам никто не оказывал. Никакой.